

Как малые города переживают эпоху «девяностых»

Почему в тех городах, где «девяностые» продолжаются, экономика более креативна и проще привлекает инвестиции, чем там, где они закончились? Как пакт о ненападении между местными элитами тормозит развитие городов? Какие способы проживать «девяностые» существуют в современной России? Анализирует социолог, урбанист, исполнительный директор «Городских проектов» Петр Иванов.

Есть отдельный тип городов, у которого «девяностых» не было вовсе – это **ЗАТО** (Закрытое административно-территориальное образование). Этим городам для выживания принципиально необходимо открыться, и они панически боятся этого процесса. Они думают: «Счастливы мы пересидели в режиме ЗАТО лихие девяностые, а ежели снять кордон, то тут же они и начнутся». И это во многом правда. Это действительно очень сложный вопрос для регулирования. У нас в закрытых городах самый высокий уровень самоубийств среди молодежи. Просто потому, что вариантов два – либо ты идешь по стопам своего отца работать на атомную станцию, либо тебе абсолютно нечего делать в этом городе и ты решаешь проблему единственно возможным способом – отправляешься в мир иной.

г. Североморск

В **Наукоградах** до недавнего времени была настоящая кастовая система, состоящая из трех каст: директора; научные сотрудники; обслуживающий персонал НИИ. Существование кастовой системы подтверждает главный признак – браки заключались только внутри каст – директора и их дети с директрисами и их детьми; научные сотрудники с научными сотрудницами; уборщицы с буфетчицами и т.п. Но появившийся авторитетный бизнесмен рушит всю систему – он сын буфетчицы, завладевший всеми ларьками в городе, женится на дочери директора НИИ и тот ничего не может возразить – этот бизнесмен становится несопоставим по влиянию и с желательным претендентом и с ним самим.

Благодаря бизнесу, несмотря на сопутствующие эксцессы вплоть до кровопролития, происходит деформация кастовой системы и переход к сотрудничеству. Бизнес – новая сила, которая к тому же, в отличие от представителей НИИ, готова к проектной деятельности. Но при этом координация помимо понятных факторов «лихих девяностых» осложняется тем, что бизнесмены – это очень разные люди. И выходцу с улицы, и бывшему интеллигенту бывает буквально сложно найти общий язык.

В **Моногородах** либо градообразующее предприятие само является главным бандитом, которое всех прижимает, либо, если предприятие включено в крупную корпорацию, оно принуждает группировки зарыть топор войны, «а дальше посмотрим», но зарытый топор войны зачастую обостряет главную проблему моногородов – недиверсифицированность экономики, потому что он сдерживает конкуренцию и развитие.

Структурные поселения на транспортных потоках

Есть замечательное малое поселение Умёт в Мордовии, которое растянулось по федеральной трассе М5 на два километра гостиниц, борделей и ресторанов для дальнобойщиков. Первая

линия – это гостиницы, рестораны и бордели, а вторая это дома людей, которые, собственно, там работают. Такой Лас-Вегас, который, правда, больше похож на городок из «Безумного Макса». Подобного рода поселения очень странно выглядят, но отлично живут, конечно, целиком оставаясь в парадигме «девяностых».

Городское поселение Умёт

Пограничные малые поселения

В них граница является главным источником экономики. Там могут реализовываться самые разные пограничные практики. Там и контрабанда, и, конечно, таможня, и так далее и тому подобное. Они, как правило, выглядят печально и депрессивно, но на самом деле, люди, которые там вертятся, живут вполне себе неплохо. И считают неказистый вид своего города преимуществом – никому и в голову не придет, что у них что-то есть. Такая чисто

деревенская перестраховка: «У нас ничего нет, с нас и взять нечего».

Граница – это инструмент, который можно использовать по-разному. Можно, оставаясь в парадигме «девяностых», сидеть на ресурсе и пропускать партии «запрещёнки», а можно, как это делают в Териберке, выстраивать новый центр межкультурного обмена.

Города в режиме выключенной конкуренции (недавно закончившиеся «девяностые»)

Это достаточно диверсифицированные с точки зрения экономики города, но при этом экономика там всё же слабая. В них различные группировки в девяностые не перестреляли друг друга, как-то дожили до 2000-х и в 2000-е всё-таки договорились: «Братва, не стреляйте друг в друга». Но, как следствие, у них не работают важные элементы, которые могли бы положительно сказываться на экономике – потому что договорились не только не стрелять друг в друга, но и не конкурировать. И если кто-нибудь сейчас попытается открыть два новых магазинчика, то пакт о ненападении, возможно, будет расторгнут, а никто не хочет расторгать пакт о ненападении – всем понравилось жить и не бояться, что тебя застрелят. Пакт о неконкуренции, понятное дело, сказывается на экономике города самым печальным образом.

И практически невозможно что-то изменить через проекты, например, прийти в этот город и предложить: «А давайте мы тут у вас создадим новую отрасль экономики, например, какой-нибудь удивительный туризм, построим инфраструктуру, аэропорт для малой авиации». Люди слушают, кивают, а потом говорят: «Нет, мы так не будем делать, потому что это создаст незарегулированное пространство, на котором кто-то возьмёт верх и всех нагнёт».

У этих городов есть потенциал, но, выбирая между экономическим развитием и собственной жизнью, они будут выбирать собственную жизнь.

Парадокс в том, что города, в которых «девяностые» продолжаются, гораздо более креативные, чем те, в которых они закончились.

Там процветает варварское, но креативное предпринимательство. Агрессивные субъекты, которые не закончили войну, но уже хотят чего-то нового, понимают, что у бизнеса есть что-то еще, какая-то еще надстройка, чем просто «купить дешевле – продать дороже».

И, главное, они легко могут привлекать инвестиции – буквально спрашивают: «Сколько нужно под это денег? Коробки из-под обуви хватит? Нужна из-под ксерокса? Да нормально всё – потом сочтёмся». Такие безбашенные инвесторы, которые зарабатывают деньги на безбашенной форме хозяйствования. А в городах, где стрелять закончили недавно, кризис доверия зачастую выше, чем там, где ещё стреляют. Потому что зарыть топор войны не сложно, сложно заново начать конкурировать, не начиная стрелять. Это трудный процесс выстраивания новой коммуникации, который занимает годы. И для которого в нашей практике нет протокола взаимодействия, который был бы заточен под гарантии и снижение рисков участников.

В туристических городах вопрос проживания «девяностых» острый в силу того, что туристический бизнес – это всегда кооперация. Кооперация между администрацией, музеями, владельцами отелей и ресторанов, туристическими фирмами и какими-нибудь каретами, как в Суздале.

И, например, в моем любимом городе Кимры различные акторы активно развивают город, и действительно делают новые Кимры, но только у каждого новые Кимры свои и они не соотносятся друг с другом. Показательный пример – сломанный причал, из-за которого Кимры потеряли проходящий по Волге турпоток и большую часть туристов, до сих пор не восстановлен как раз в силу сложности кооперации сил, владеющих городом.

И на этом фоне очень показательны примеры, где именно

благодаря консолидации жителям удалось привлечь туристический поток практически из ничего. Есть станица Старочеркасская под Ростовом-на-Дону, куда пришел глава, который реализовал джентрификацию при помощи ведра с краской. Покрасили исторические казацкие дома, людям предложили участвовать в туристической индустрии – изображать казаков или торговать всякими казачьими товарами. И получился совершенно замечательный музейный город. Ведро краски дало семикратный рост стоимости недвижимости. Город действительно зажил туристической экономикой, которой там отродясь не бывало.

станция Старочеркасская

В **исторических поселениях**, помимо обозначенных сложностей, есть сложности чисто бюрократические. В большинстве своем это города с постройками XIX – начала XX века, у которых ядро города это то, что обычно называется наследием. Те же Кимры очень страдают от невозможности работать с этим наследием – у

них еще во времена Советского Союза были развалены исторические торговые ряды, и они до сих пор не знают, что с ними делать. И проблема тут даже не только финансовая, сколько бюрократически-организационная – это памятник регионального значения. Чтобы там что-нибудь покрасить или приколотить отлетевшую черепицу, нужно ехать в Тверь, где находится региональное управление по работе с наследием, на автобусе, который ходит редко и не в самое удобное время. И каждый взмах малярной кистью там согласовывать, потому что если ты попробуешь что-нибудь починить у себя в домике, тебя ждет гигантский штраф – те же чиновники по работе с наследием объявят человека, восстановившего исторический дом, вандалом, разрушающим наследие.

В итоге для собственника не существует престижа и культурной ценности этих зданий. Он думает, что это какой-то корявый актив: «Сожгу-ка я его к чертовой матери и построю там будку из сайдинга – и магазины придут, и вывеску можно будет повесить». Безумная охрана не дает людям сполна пользоваться возможностями актива, и они приносят в жертву то, что потом могло бы приносить значительную добавочную стоимость своим культурным капиталом.

г. Кимры

Разросшиеся сёла

Это номинально города, но по факту безумно разросшиеся сёла, в которых основную экономику составляет сельское хозяйство, а люди перемещаются по городу на мотоблоках с прицепами. В Сибири под Красноярском есть очень хорошо попадающий под это определение город – Лесосибирск. Есть гидроэлектростанция, есть предприятие, которое занимается лесом и есть люди, которые занимаются натуральным хозяйством – выращивают капусту на своем огороде. Это всё очень сложно назвать городом, при том, что населения 60 тысяч человек. Там, бывает, иногда построят две–три невысокие новостройки, которые, как ни странно, котируются как самое престижное жилье. А основная часть – это дома сельского типа за высокими заборами, где-то деревянные, а где-то из советского серенького или оранжевого кирпича.

г. Лесосибирск

Деревня у нас очень бурно развивается, во многом вопреки всем процессам развития. Существуют хорошие деревни, в которых развитое фермерское хозяйство и есть успешно работающая госпрограмма по их поддержке. Очень хорошо себя показывают кооперативы, но зачастую решающий фактор это харизма и способность к принятию решений главы сельской администрации, его образованность и понимание, что существует очень много различных субсидий и грантов. Что возможны интересные стратегии: на Урале, например, несколько сёл сделали шейринговую систему тракторов и другой техники. Есть приложение, они смотрят: «В соседнем селе трактор простаивает, пойду воспользуюсь». Это умное село. Правильно умное – у них многократно увеличивается использование производственных активов и не возникает вопросов, зачем покупать технику.

Но в большинстве деревень, конечно, непрекращающиеся «девятиности» и главный вопрос на профильных форумах главе сельсовета, отчитывающемуся о своих успехах: «Когда в последний раз поджигали сельсовет?» И это понятно: этот <...> совет возглавил, два ДК построил, водонапорную башню отремонтировал... Изменения, понятно, не вызывают радости и определённых слоев. Но неожиданная поддержка может идти как

раз от криминального элемента, который владеет тремя ларьками в деревне и хочет, чтобы эта деревня была нормальным местом для жизни.

Источник: [Экспертный совет по малым территориям](#)